

«ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ © 2018

А.Белов

Анализируется научная литература из баз данных Econlit и Web of Sciences (WoS) по тематике «Один пояс – один путь». Установлено, что большинство авторов позитивно воспринимает данные инициативы. Это указывает на положительный баланс открывающихся возможностей и возникающих проблем. Наиболее оптимистичны китайские ученые, ориентированные на экономику. Исследователи из других стран, чаще всего, рассматривают комплекс позитивных и негативных факторов, включающих экологические, географические, этнографические и др. аспекты.

Ключевые слова: «Один пояс – один путь», интеграция, Китай, Россия, Евразия

BELT AND ROAD INITIATIVE: A LITERATURE REVIEW

Andrey V.BELOV, Doctor of Economic Sciences, Professor, Fukui Prefectural University, Japan
(abelov@fpu.ac.jp)

The scientific literature from Econlit and Web of Sciences (WoS) databases on Belt and Road Initiative (BRI) is analyzed. The results show that BRI is positively perceived in the international academic community. It seems that an appropriate balance of opportunities and risks is emerging in the method of implementing the initiated projects. Chinese scientists are mostly focused on economic matters and generally optimistic about BRI, while researchers from other countries tend to provide a comprehensive assessment of both positive and negative factors, including ecological, geographical, ethnographic and other aspects.

Key words: Belt and Road Initiative, integration, China, Russia, Eurasia

---

Белов Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор Университета префектуры

Фукуи, Япония. 4-1-1 Kenjojima, Matsuoka, Eiheiji-cho, Yoshida-gun, Fukui 910-1195, Japan
(abelov@fpu.ac.jp)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ БЕЗ ПРОТЕСТОВ

Процессы глобализации в современном мире развиваются настолько неравномерно, что большинство крупных явлений вызывают ожесточенные дискуссии, политическое противостояние, социальный раскол. Достаточно вспомнить ситуацию вокруг Транстихоокеанского партнерства (ТТП), Трансатлантического инвестиционного партнерства (ТАИП), Брекзита и других событий. На этом фоне совершенно иначе выглядят последовательно объявленные Китаем в 2013 году инициативы создания Экономического пояса шелкового пути и Морского шелкового пути 21-го века (Belt and Road Initiative, «Один пояс – один путь», или Инициатива Пояса и Пути, ИПП. В данной статье используется последнее наименование и сокращение, как перевод наиболее распространенного в анализируемой литературе термина «Belt and Road Initiative»). Несмотря на отдельные критические голоса, в целом ИПП положительно воспринимается в мировом академическом сообществе. С чем это связано?

Прежде всего, стремление к региональной интеграции является отличительной чертой современной эпохи глобальной нестабильности. Кризис Европейского Союза и автаркизм в экономической политике США превратили Восточную Азию (ВА) в регион, привлекающий внимание всего мира устойчивой динамикой интеграционных процессов. В расширении связей стран ВА за пределами региона долгое время преобладал тихоокеанский вектор, пока неудачи с АТЭС и ТТП не привели к сдвигу баланса в западном и южном направлениях. В этих условиях особое значение приобрела названная выше инициатива Китая. Гигантские масштабы и государственная поддержка, организационное оформление и механизмы финансирования, обширные планы и практические успехи - все это превратило ИПП в одну из главных перспектив развития интеграционных процессов восточноазиатских

стран. Быстрое расширение круга участников, реальные возможности улучшения инфраструктуры и заметное усиление позиций Китая на региональных рынках можно считать первыми количественными итогами ИПП.

Еще более важными представляются происходящие качественные изменения. За строительством китайских дорог и портов следуют грузы, компании и возможности производственного участия. Дело в том, что рост Китая в Восточной Азии сопровождается расширением нового типа международного разделения труда, основанного на осуществлении в разных странах не отдельных стадий создания продукта, а технологических фрагментов процесса производства. Соответственно изменяются и производственные цепочки, и внешнеторговые потоки, и издержки включения в них новых участников. В определенном смысле появляется основа для экспорта данной модели промышленного развития и международной интеграции. Множество развивающихся стран оказываются вовлечены в процесс «индустриализации по-китайски». В дополнение к перспективам создания современной инфраструктуры это становится важнейшим направлением их экономического прогресса.

И наконец, с точки зрения России важность китайских инициатив усиливается существованием Евразийского экономического союза (ЕАЭС), как единственного успешного интеграционного образования на постсоветском пространстве, созданного с российской поддержкой. Очевидно, что ИПП несет для ЕАЭС как новые возможности (инфраструктура, расширение международных связей), так и сложные вызовы (усиление конкуренции, рост зависимости от Китая). Однако, наиболее важным представляется другое. На территории ЕАЭС и прилегающих стран Центральной Азии разворачивается конкуренция нескольких интеграционных группировок и инициатив. Наиболее заинтересованными и активными участниками являются ЕАЭС, ЕС и Китай, которые представляют три модели интеграции (пост-советскую, европейскую и восточноазиатскую с Китаем в центре). Интересы Китая очень многоплановы, но в качестве одного из главных элементов в них можно выделить

создание путей для транзита в Европу. В этом случае встает вопрос о том, какой может быть оптимальная стратегия транзитных и промежуточных стран, включая Россию. Этот вопрос требует глубокого изучения, но уже сейчас можно с уверенностью заявить, что поиск путей взаимовыгодного сотрудничества с Китаем представляет собой важнейшую задачу российской политики на просторах Евразии.

В итоге, несмотря на очевидное присутствие в ИПП как открывающихся возможностей, так и трудных проблем, общий баланс выглядит положительным. Задача данной статьи состоит в том, чтобы проверить данное предположение. С этой целью предпринят мета-анализ соответствующих статей, содержащихся в базах данных Econlit и Web of Science (WoS) по тематике ИПП. Методом исследования является изучение текстов публикаций и экспертная (авторская) их оценка по критерию преобладания упоминаний о возможностях (плюсах), или же о проблемах (минусах), связанных с осуществлением указанных инициатив. В структуре работы после данного введения следует разбор публикаций об ИПП и обсуждение результатов мета-анализа. В заключении выделяются перспективные направления научной работы на тему об участии России в процессах евразийской и восточноазиатской интеграции.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ ИНИЦИАТИВЕ ПОЯСА И ПУТИ

За несколько лет после объявления ИПП в научных базах данных Econlit и WoS было зарегистрировано 506 соответствующих документов (дата исследования: 16 августа 2018 г.; ключевые слова: OBOR, belt+road+initiative; Econlit: 61 документ, из них 54 журнальных статьи; WoS: 465 документов, из них 264 журнальных статьи). Более 95% источников опубликовано на английском языке в 2016-2018 годах. В Econlit содержатся материалы по экономической тематике, а WoS включает источники различных научных направлений с долей экономики, бизнеса и менеджмента примерно в 30%. Общие характеристики публикаций отражены в Таблице 1.

Таблица 1. Результаты библиографического поиска по тематике ИПП (количество статей,
16 августа 2018 г.).

Период, ключевые слова, характеристики	Econlit	Web of Sciences
2013-2018		
OBOR	15	91
belt+road+initiative		
2013	0	0
2014	3	2
2015	2	23
2016	11	108
2017	24	208
2018	21	124
Всего	61	465
На английском языке	61	445
В т.ч. в научных журналах	54	264
Страны (top 10)	Географический дескриптор	Аффилиация первого автора
	Китай 50	Китай 305
	Евразия 8	США 34
	Центральная Азия 3	Австралия 25
	Россия 3	Россия 25
	АСЕАН 2	Англия 22
	ЕС 2	Южная Корея 13
	Индия 1	Сингапур 12
	Казахстан 1	Индия 10
	Пакистан 1	Канада 9
	Япония 1	Италия 9
Области исследования (top 10)	Область	Категория Web of Science
	Развитие 36	Экономика 80
	Институты, торговля 36	Международные отношения 73
	Региональная экономика 24	Общественные науки 55
	Инфраструктура 23	Политология 47
	Торговля 16	Менеджмент 40
	Транспорт 13	Региональные исследования 32
	Обществ.инвестиции 10	Бизнес 31
	Экономика транспорта 10	Образование 25
	Экономическая интеграция 8	Науки об окруж. среде 24

Источник: составлено автором

Из этого массива для мета-анализа отобрано 48 статей из 318 зарегистрированных по тематике BRI. Именно столько удалось загрузить из баз данных на основе удаленного доступа, не прибегая к процедурам дополнительной оплаты и регистрации в других электронных хранилищах и исследовательских социальных сетях (Research Gate, IDEAS/RePEc и др.). С учетом этого, сравнительно низкую долю (около 15% от общего числа) проанализированных статей удалось компенсировать их доступностью, а значит возможностью проверить и повторить результаты анализа. Отметим также, что в отобранный нами массив попала наиболее цитируемая в базе WoS статья [9; 39 или 18% всех цитирований на 16 августа 2018 г.]. Это можно считать дополнительным подтверждением репрезентативности сделанной выборки.

Предварительное знакомство с текстами показало: 1) в большинстве публикаций исследование возможностей, открывающихся в связи с реализацией ИПП преобладает над анализом встающих проблем; 2) ученые, аффилированные с китайскими организациями (далее – китайские ученые) чаще всего позитивно оценивают перспективы ИПП и концентрируются на изучении экономических эффектов; 3) исследователи других стран пессимистично воспринимают возможности реализации ИПП. Данные предположения использованы в дальнейшем анализе в качестве рабочих гипотез.

Тексты отобранных статей проанализированы и разделены на три группы, а именно:

1) преимущественно посвященные новым возможностям, открывающимся в связи с реализацией ИПП; 2) преимущественно ориентированные на освещение встающих проблем и рисков; 3) комплексные статьи, освещающие оба указанных аспекта с классификацией на подгруппы «скорее возможности», «скорее проблемы» и «неопределенный баланс». Классификация текстов проводилась путем экспертной (авторской) оценки. Критериями отнесения статей в ту или иную группу являлись количественные преобладания упоминаний (как правило, более 90% текста), а также прямые заявления исследователей о своих позициях

в текстах публикаций. Кроме того, по каждому источнику были зарегистрированы данные об аффилиации первого автора, методах анализа, странах-объектах и предметных областях исследования. Соответственно, каждая статья отмечена 4 раза в одной из вертикальных колонок и 1 раз в каждой из 4-х групп горизонтальных строк (автор, анализ, страна-объект, предмет). Общая сумма в каждой из данных групп равна 48. Результаты анализа приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Результаты исследования текстов по проблематике BRI (количество статей)

	1) Возможности	2) Проблемы	3) Возможности и проблемы		
			Скорее возможности	Скорее проблемы	Неопределен. баланс
Автор:					
Китай	14		4		3
США/ЕС*	5	2	6	2	3
Россия	1	1			1
Вост.Азия**			1		1
Другие	2			1	1
Итого	22	3	11	3	9
Анализ:					
Качественный	13	1	8	3	9
Количественный	4	1	1		
Математический	5	1	2		
Страна-объект:					
Китай	8	1	5		1
Вост.Азия**	2		1		1
Центр.Азия***	1		2	2	
Россия	1				1
Европа****	4	1			2
Другие	6	1	3	1	4
Предмет:					
Политика	3		1		
Экономика	18	2	2	1	
Другое	1	1	8	2	9

*США, ЕС, Англия, Канада, Австралия, Новая Зеландия; **АСЕАН+3; ***5 стран постсоветской Средней Азии; ****ЕС-28.

Источник: составлено автором

Перечислим основные выводы проведенного исследования. Первый результат состоит в том, что в целом, перспективы ИПП позитивно воспринимаются в международной научной литературе. О новых возможностях в связи с осуществлением выдвинутых инициатив говорится в 33 из 48 (69%) проанализированных статей. На неопределенный баланс плюсов и минусов указывают 9 (19%), а явно сфокусированы на проблемах лишь 6 (13%) исследований.

Среди возможностей, открываемых ИПП, называют самые разные явления – от геополитических и геоэкономических до региональных и внутрикитайских. Наиболее характерными примерами являются указания на появление новой модели международного сотрудничества и глобального управления с широким представительством развивающихся стран [1], стимулирование мирового экономического развития через инфраструктурные инвестиции [2], развитие нового типа региональной интеграции [3] и т.п. Подробный перечень причин выдвижения, т.е. открывающихся возможностей и плюсов осуществления ИПП приводится в Таблице 3.

Таблица 3. Причины выдвижения и возможности, открываемые ИПП

Геополитические и геоэкономические факторы	
Осуществление «китайской мечты» о лучшем мире, где Китай будет занимать достойное место.	Callahan, 2016 [4]
Рост Восточной Азии с Китаем в центре, необходимость изменения мирового порядка	Jin, 2017 [5]
Новая модель международного сотрудничества и глобального управления с широким представительством развивающихся стран. Часть всемирного процесса глобализации. Защита свободной торговли и глобализации.	Zhang, 2015 [1]
Потребность в регионализации в условиях эрозии глобального лидерства, возникновения новой системы торговли, повышения неопределенности мирового развития	Timofeev et al., 2017 [6]
Стимулирование мирового экономического развития через инфраструктурные инвестиции	Chi, 2015 [2]
Мировой кризис 2008, необходимость и возможность глобального лидерства. Противовес политике США в Азии.	Baviera, 2016 [7]

Продвижение стратегии развития, основанной на Пекинском консенсусе. Попытки избежать излишней конкуренции с США в Восточной Азии.	Cha, 2017 [8]
Уход от прямой конфронтации с США в АТР. Долгосрочное улучшение отношений с Европой. Возможность кооперации с США в ряде районов Центральной Азии.	Ferdinand, 2016 [9]
Возможность распространения конфуцианско-даосистко-буддийских культурных ценностей	Dellios, 2017 [10]
Развитие пяти видов связей для создания сети рыночного взаимодействия: политика, инфраструктура, торговля, финансы, люди	Nordin, Weissmann, 2018 [11]
Продвижение RMB как международной валюты	Nezerenko, Koppel, 2017 [12]
Региональные факторы	
Китайский «план Маршалла». Китайская модель региональной интеграции.	Ferdinand, 2016 [9]
Развитие региональной интеграции, пять приоритетов повышения взаимосвязанности регионов: координация в политике, создание инфраструктуры, расширение торговли, финансовое обеспечение, развитие гуманитарных связей	Chen, Jimenez-Tovar, 2017 [3]
Региональная взаимозависимость	Chi, 2015 [2]
Институты и региональная кооперация, параллельные прозападным. Решение проблемы гетерогенности стран региона.	Kaplan, 2017 [13]
Необходимость развития финансовой кооперации азиатских стран	Zhang et al., 2017 [14]
Инфраструктура и связи с соседними развивающимися странами для поддержания устойчивого роста. Часть длительной стратегии Китая по развитию международных связей на юге и западе страны.	Cha, 2017 [8]
Возможность взаимодействия с аналогичными инициативами других стран	Lovina et al., 2017 [15]
Доступ к европейскому рынку сбыта и получение новых технологий	Pencea, 2017 [16]
Необходимость решения проблем региональной безопасности	Fallon, 2015 [17]
Развитие экономик участвующих стран и регионов	Khetran, Saeed, 2017 [18]
Платформа для улучшения региональной эпидемиологической обстановки	Hu, 2017 [19]
Развитие ж/д сообщения, сокращение времени поставки товаров, возможность поставок точно в срок	Li, Schmerer, 2017 [20]
Развитие связей мегаполисов в возникающей сети взаимодействия Азии и	Summers, 2016

Европы	[21]
Внутрикитайские факторы	
Личный стиль руководства Си Дзинпина	Baviera, 2016 [7]
Экономические мотивы, получение прибыли	Hofman, 2016 [22]
Поворот к проактивной дипломатии. Восстановление идеологического лидерства и привлекательности КПК.	Ferdinand, 2016 [9]
ИПП как инструмент реформирования экономики Китая. Избыточные мощности в инфраструктурных отраслях.	Ma, 2017 [23]
Обеспечение доступа к энергетическим и природным ресурсам. Укрепление региональной безопасности. Расширение рынков сбыта.	Fallon, 2015 [17]
Вынос экологически грязных производств	Tracy et al, 2017 [24]
Развитие западных районов Китая	Gibson, Li, 2017 [25]

Источник: составлено автором

Среди часто упоминаемых проблем можно назвать опасения доминирования Китая и появления имперских черт в его внешней политике [8], сложность осуществления выдвинутых инициатив в условиях лидерства прозападных институтов развития [13], экономические риски в области бизнеса [9] и многое другое. Подробный перечень упоминаемых проблем (минусов) приводится в Таблице 4.

Таблице 4. Проблемы, встающие в связи с BRI

Политические, институциональные и другие	
Непринятие китайской экономической модели. Незнание сути китайских инициатив.	Chen, Jimenez-Tovar, 2017 [3]
Различные уровни развития участников. Неустойчивость государственных институтов. Взаимное недоверие.	Musabelliu, 2017 [26]
Сложность реального осуществления ИПП в условиях доминирования прозападных институтов развития	Kaplan, 2017 [13]
Необходимость координации политики ЕС и США в отношении Китая	Le Corre, Pollack, 2017 [27]
Доминирование Китая, появление имперских черт в его внешней политике. Исключение корейских государств и Японии из проектов ИПП.	Cha, 2017 [8]

Отсутствие условий институциональных реформ, обычно выдвигаемых международными финансовыми институтами, а значит: непрозрачность, задержка необходимых реформ, усиление неравенства, коррупция и т.п., т.е. долгосрочный ущерб институциональному развитию	Shak, 2017 [28]
Нестабильность стран-партнеров. Возможность трений с Россией.	Ferdinand, 2016 [9]
Риски с точки зрения безопасности (традиционные: конкуренция крупных держав, территориальные споры, региональная нестабильность; новые: терроризм, оргпреступность, угроза торговым путям, эксклюзивная интеграция ТТП и ТАИП)	Liu, 2017 [29]
Различное восприятие действий и мотивов Китая внутри страны и за рубежом (доступ к рынкам, активная роль государства, концепция национализма и т.д.)	Ma, 2017 [23]
Культурное доминирование Китая	Dellios, 2017 [30]
Консервация многообразия экосистем и традиционных этноукладов	Foggin, 2018 [31]
«Захват земли», трения с местным населением	Hofman, 2016 [32]
Возможность быстрого распространения эпидемий	Hu, 2017 [19]
Уходшение экологической ситуации	Tracy et al, 2017 [24]
Расширение китайской миграции	Nordin, Weissmann, 2018 [11]
Экономические	
Недостаток финансирования. Неблагоприятный инвестиционный климат в ряде стран.	Lovina et al., 2017 [15]
Задолженность реципиентов. Рост асимметрии в отношениях с Китаем.	Pencea, 2017 [16]
Слабая кооперация различных инфраструктурных проектов, необходимых для привлечения внимания Китая	Nezerenko, Koppel, 2017 [33]
Экономические риски в области бизнеса. Необходимость активной кооперации партнеров.	Ferdinand, 2016 [9]
Сложности сопряжения с ЕАЭС. Различия в интересах инфраструктурного развития с Россией.	Timofeev et al., 2017 [6]
Недостаточный промышленный потенциал для успешного сотрудничества с Китаем	Dimitrijevic, 2017 [34]
Сложность обеспечения устойчивости производства пищевых товаров	Cui et al., 2018 [35]
Волатильность валют как препятствие росту инвестиций. Доминирование госкомпаний среди инвесторов, малая роль частного сектора.	Liu et al, 2017 [36]

Неэффективные инвестиции внутри Китая	Gibson, Li, 2017 [25]
---------------------------------------	--------------------------

Источник: составлено автором

Несмотря на присутствие проблем и отрицательных черт, даже чисто с количественной стороны они «находятся в меньшинстве». Характерный пример этого дает некоторое сокращение рабочих мест в ряде европейских отраслей при расширении торговли с Китаем, которое почти на 3 млн человек перекрывается расширением занятости в секторах, ориентированных на китайский импортный спрос [42]. В итоге, общая оценка ИПП является положительной, а упоминания о позитивных эффектах преобладают, что заметно из сравнения Таблиц 3 и 4. По-видимому, среди научного сообщества складывается мнение о превалировании открывающихся возможностей над неизбежными проблемами, встающими в связи с реализацией китайских проектов. Именно поэтому ИПП не вызывает таких ожесточенных споров, как ТТП, ТАИП, Брекзит или другие глобальные инициативы [20, p.206]. Все это позволяет заявить, что выдвинутая нами гипотеза о положительном балансе плюсов и минусов ИПП получает подтверждение в ходе проведенного мета-анализа релевантных научных публикаций.

Второй результат исследования связан с аффилиацией авторов и тематикой статей. Ученые, аффилированные с китайскими организациями (далее – китайские ученые) чаще других концентрируются на возможностях (18 из 21 статьи, или 86%) и значительно реже на проблемах ИПП. В частности, в группах однозначно пессимистических статей авторов из Китая нет вообще, и лишь в трех написанных ими работах (14%) содержатся указания на неопределенный баланс положительных и отрицательных моментов (Таблица 2). Напротив, представители других стран дают оба типа оценок, хотя позитивные, как правило, количественно преобладают. Среди причин оптимизма китайских авторов относительно ИПП можно отметить их заинтересованность экономическими аспектами: торговлей, инвестициями, инфраструктурным строительством и т.п. По-видимому, именно в данных сферах перспективы ИПП выглядят наиболее привлекательно. По крайней мере, 18 из 22

(82%) статей, безусловно поддерживающих ИПП, посвящены исследованию экономических вопросов.

Европейские и американские авторы чаще пишут на политические, экологические, культурные и другие темы, не связанные с экономикой напрямую. В данных областях международное сотрудничество участников ИПП только начинается. Неудивительно, что исследования часто приводят к заключениям о сложном балансе плюсов и минусов: из 15 «негативных» и «неопределенных» статей 12 (80%) относятся к неэкономической тематике (Таблица 2). Большое (но не преобладающее) число негативных оценок американских, европейских и других авторов может быть связано также и с тем, что многие из них анализируют не собственно ИПП, а китайскую политику в целом [23, p.155]. В этом смысле можно говорить о различных подходах к анализу данных инициатив, когда китайские авторы преимущественно используют среднесрочный и «экономический» [2, 23], а другие авторы делают упор на долгосрочный и «стратегический» аспекты [4, 6]. Соответственно, для китайских авторов ИПП зачастую выступает как экономический проект [35, 36], в то время как исследователи других стран преимущественно рассматривают ИПП как стратегию глобализации и региональной интеграции стран ВА с Китаем в центре [7, 9]. По-видимому, в данном случае мы сталкиваемся с классическим проявлением асимметричности информации, которая вытекает из недостаточно полного представления о сути ИПП и требует систематических и всесторонних усилий по ее ликвидации [3]. Решить эту проблему совсем непросто, поскольку ИПП представляет собой именно инициативу, а не конкретный план [11]. Соответственно, в рамках ИПП одновременно осуществляется множество проектов, число их постоянно расширяется, что усложняет задачи и увеличивает издержки заинтересованных сторон по сбору и анализу соответствующей информации.

Третий результат проведенного исследования показывает, что авторы из других стран кроме Китая также в целом положительно оценивают перспективы ИПП. В «оптимистическую» группу попадает 15 статей (31% от общего числа), в то время как в

пессимистический настрой превалирует в 4 (8%) публикациях, а еще 6 работ (13%) не содержат определенного вывода. Среди не китайских ученых наибольшей популярностью пользуются неэкономические темы (политические, экологические, этнографические и др.), раскрываемые на основе качественного подхода.

Результаты мета-анализа, оформленные с точки зрения выдвинутых ранее научных гипотез приведены в Таблице 5.

Таблица 5. Результаты мета-анализа и выдвинутые гипотезы

Гипотеза	Результат
1. Исследование возможностей и перспектив (плюсов), открывающихся в связи с реализацией ИПП преобладает над анализом встающих проблем и имеющих рисков (минусов)	Подтверждено
2. Китайские ученые чаще всего позитивно оценивают перспективы ИПП и концентрируются на изучении экономических эффектов	Подтверждено
3. Исследователи других стран как правило пессимистично воспринимают возможности реализации ИПП	Отклонено

Источник: составлено автором

Анализ страновой принадлежности авторов содержит еще один важный блок информации. Вполне возможно, что наиболее пессимистично по отношению к ИПП настроены российские ученые. Из 3-х проанализированных в общей выборке статей 1-я делает упор на новых возможностях ИПП для транспортной системы российского Дальнего Востока [37] (позитивная оценка), 2-я указывает на экологические последствия инфраструктурного строительства в Средней Азии [24] (негативная оценка) и 3-я говорит об условиях заинтересованности России в китайских проектах, таких как развитие интеграции ЕАЭС и появление выгодных транспортных маршрутов [6] (неопределенная оценка). В итоге, по общему балансу в сравнении с авторами других стран россияне проявляют наибольшую сдержанность. Интуитивно, такая позиция вполне понятна. Очевидно, что Россия имеет национальные интересы в континентальной зоне ИПП, лидирует в успешно работающей экономической группировке постсоветских стран (ЕАЭС) и развивает евразийскую инфраструктуру на основе собственных приоритетов. Соответственно, «сопряжение»

российских планов с ИПП выглядит реальным и выгодным только в определенных рамках, которые пока определены лишь в самом общем виде [6, p.66-68]. Именно поэтому возможность столкновения интересов России и Китая выделяется как одна из сложных проблем реализации ИПП [9, p.954].

Приведенный выше вывод о характере исследований российских авторов вполне может быть связан с эффектом малой выборки и незначительным числом имеющихся англоязычных публикаций. С учетом важности вопроса необходима проверка полученных результатов по более широкой совокупности статей на русском языке. К счастью, русскоязычная база данных eLIBRARY.ru предоставляет такую возможность. Первое знакомство с имеющимися документами просто поражает широтой выбора и популярностью темы: 26 августа 2018 г. поиск по ключевым словам один+пояс+один+путь выдал 50891 ссылку! Тем не менее, в этом безбрежном море информации содержалось всего 351 одна журнальная статья. В анализируемых нами журналах WoS/Scopus было опубликовано 8 работ, тексты которых прошли исследование по описанным выше параметрам. Оказалось, что все публикации можно отнести в одну и ту же группу с неопределенным или, скорее, с условным балансом плюсов и минусов. В данных статьях авторы приводят стандартные перечни возможностей и проблем, охваченные Таблицами 3 и 4, а после этого говорят об условиях получения Россией положительного эффекта от участия в реализации ИПП. Такими условиями, в частности, считаются поиск баланса интересов с Китаем [38, с.30], объединение усилий действующих в регионе интеграционных объединений [39, с.49], развитие ЕАЭС [40, с.22] и т.п. Полное неприятие и, напротив, безоговорочная поддержка инициатив Китая называется контпродуктивным [41, с.40], а дальнейшие шаги сотрудничества ставятся в зависимость от выполнения конкретных требований и достижения определенных целей. Такой «условно-нейтральный» подход кажется достаточно обоснованным с учетом широких интересов России в евразийском регионе. По крайней мере, подобная позиция выглядит как шаг вперед по сравнению с ситуацией 2013-2014 гг., когда в

русскоязычных публикациях встречались резкие заявления о явной антироссийской направленности китайских инициатив [6, с.63].

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И БУДУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проведенный анализ позволяет ответить на вопрос, сформулированный в начале данной статьи: почему ИПП в целом положительно оценивается в мировом академическом сообществе? Вполне вероятно, что причина связана с преобладанием открывающихся возможностей над возникающими проблемами. Особенно явно данное преимущество проявляется в экономической области, где создание инфраструктуры, расширение торговли, увеличение инвестиций ведут к получению очевидных и хорошо предсказуемых эконометрическими моделями эффектов. Именно такие исследования наиболее популярны среди китайских специалистов. Неудивительно, что большинство из них оптимистично оценивают перспективы ИПП.

Разумеется, в ходе реализации крупных проектов, подобных ИПП, появляется немало сложностей и рисков, которые привлекают не меньше внимания, чем возможности и выгоды. Однако, общий баланс, судя по результатам проведенного мета-исследования, является положительным. С определенными оговорками это можно отнести и к работам российских авторов, в которых на смену эмоциональным оценкам приходит прагматичное сопоставление плюсов и минусов исходя из собственных интересов России в евразийском регионе.

Изучение имеющейся литературы, при всей его важности, является лишь первым шагом научного исследования. Однако, материалы мета-анализа создают основу для определения перспективных направлений будущей научной работы на заявленную тему. По нашему мнению, к ним относятся, во-первых, поиск оптимальной стратегии развития транспортной, энергетической и информационной инфраструктуры для транзитной страны с ресурсно-ориентированной экономикой в условиях одновременной реализации нескольких

конкурирующих инициатив (многочисленные проекты Китая, России, ЕС, США, Турции в рамках BRI и ЕАЭС при содействии ЕАБР, АБР, ЕБРР и других финансовых институтов); во-вторых, изучение и описание складывающихся вокруг Китая производственных цепочек с целью обеспечить эпизодическое включение в них отдельных российских компаний производственного сектора; в-третьих, исследование перспектив российских провайдеров строительных, транспортных, эксплуатационных, финансовых, посреднических и др. видов услуг, которые будут востребованы в ходе расширения регионального взаимодействия; в-четвертых, исследования перспектив снижения барьеров на товарных, капитальных и трудовых рынках (анализ торговли, инвестиций и миграции в евразийской зоне); в-пятых, изучение возможностей и состояния многостороннего и двустороннего взаимодействия в широких рамках евразийского региона (в пределах ЕАЭС, в границах «большой Евразии», а также с отдельными, важными для России странами-партнерами). Именно эти ключевые слова: энергетическая инфраструктура, производственные цепочки, востребованные услуги, факторные рынки и перспективные связи – описывают наиболее важные направления будущей научной работы на тему включения России в расширяющиеся процессы евразийской интеграции.

Список литературы / References

1. Zhang F. China as a Global Force. // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2015. Vol. 3. № 1. Pp. 120-128.
2. Chi L. China's Silk Road Strategy. // *The International Economy*. 2015. Vol. 29. № 4. Pp. 54-75.
3. Chen J., Jimenez-Tovar S. China in Central Asia Local Perceptions from Future Elites. // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2017. Vol. 3. № 3. Pp. 429-445.
4. Callahan W. China's «Asia Dream»: The Belt Road Initiative and the new regional order. // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2016. Vol. 1. № 3. Pp. 226-243.
5. Jin B. Economic Globalization 3.0 and the Concept of Interconnection under the Belt and Road Initiative. // *China Economist*. 2017. Vol. 12. № 2. Pp.2-20.
6. Timofeev I., Lissovlik Y., Filippova L. Russia's Vision of the Belt and Road Initiative: From the Rivalry of the Great Powers to Forging a New Cooperation Model in Eurasia. // *China & World Economy*. 2017. Vol. 25. № 5. Pp. 62-77.
7. Baviera A. China's Strategic Foreign Initiatives Under Xi Jinping: An ASEAN Perspective. // *China*

Quarterly of International Strategic Studies. 2016. Vol. 2. No. 1. Pp. 57-79.

8. Cha C. China's Westward March: Strategic Views of One Belt, One Road. // *The Korean Journal of International Studies*. 2017. Vol.15. No.3. Pp. 483-500.
9. Ferdinand P. Westward ho-the China dream and «one belt, one road»: Chinese foreign policy under Xi Jinping. // *International Affairs*. 2016. Vol. 92. No. 4. Pp. 941-955.
10. Dellios R. Silk Roads of the Twenty-first Century: The Cultural Dimension. // *Asia&The Pacific Policy Studies*. 2017. Vol. 4.No. 2. Pp. 225-236.
11. Nordin A., Weissmann M. Will Trump make China great again? The belt and road initiative and international order. // *International Affairs*. 2018. Vol. 94. № 2. Pp.231-248.
12. Nezerenko O., Koppel O. The Baltic Sea Macro-Regional Transport Cluster as an Element of the Silk Road Economic Belt. // *Croatian International Relations Review*. 2017. Vol. 23. № 78. Pp. 77-95.
13. Kaplan Y. China's OBOR as a Geo-Functional Institutional Project. // *Baltic Journal of European Studies*. 2017. Vol. 7. № 1. Pp. 7-23.
14. Zhang F., Yu M., Jiantuo J., Jin Y. The Effect of RMB Internationalization on Belt and Road Initiative: Evidence from Bilateral Swap Agreements. // *Emerging Markets Finance and Trade*. 2017. Vol. 53. № 12. Pp. 2845-2857.
15. Lovina H., Gong J., Hua C. Review of «The Chinese Belt and Road Initiative»: Indonesia-China Cooperation and Future Opportunities for Indonesia's Port Cities Development. // *Journal of Regional and City Planning*. 2017. Vol. 28. №. 3. Pp. 161-177.
16. Pencea S. Rumania and China Trade and Investment Relations Against the Backdrop of «One Belt One Road» Strategy. // *Romanian Economic and Business Review*. 2017. Vol. 12. № 2. Pp.17-28.
17. Fallon T. The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia. // *American Foreign Policy Interests*. 2015. Vol. 37. No. 3. Pp. 140-147.
18. Khetran M., Saeed M. The CPEC and China-Pakistan Relations A Case Study on Balochistan. // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2017. Vol. 3. № 3. Pp. 447-461.
19. Hu R., Liu R., Hu N. China's Belt and Road Initiative from a global health perspective. // *The Lancet*. 2017. Vol 5. №3. Pp.12-15.
20. Li Y., Schmerer H. Trade and the New Silk Road: opportunities, challenges, and solutions. // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2017. Vol. 15. № 3. Pp. 205-213.
21. Summers T. China's «New Silk Roads»: sub-national regions and networks of global political economy. // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. Pp. 1628-1643.
22. Hofman I. Politics or Profits along the «Silk Road»: What Drives Chinese Farms in Tajikistan and Helps Them Thrive? // *Eurasian Geography and Economics*. 2016. Vol. 57. № 3. Pp. 457-481.
23. Ma J. The Challenge of Different Perceptions on the Belt and Road Initiative. // *Croatian International Relations Review*. 2017. Vol. 23. № 78. Pp. 149-168.
24. Tracy E., Shvarts E., Simonov E., Babenko M. China's new Eurasian ambitions: the environmental risks of the Silk Road Economic Belt. // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. № 1. Pp. 56-88.
25. Gibson J., Li C. The «Belt and Road Initiative» and comparative regional productivity in China. // *Asia&Pacific Policy Studies*. 2018. Vol. 5. № 2. Pp. 168-181.

26. Musabelliu M. China's Belt and Road Initiative Extension to Central and Eastern European Countries - Sixteen Nations, Five Summits, Many Challenges. // *Croatian International Relations Review*. 2017. Vol. 23. № 78. Pp. 57-76.
27. Le Corre P., Pollack J. China's Rise: What about a Transatlantic Dialog? // *Asia Europe Journal*. 2017. Vol. 15. № 2. Pp. 147-60.
28. Shah A. How Does China–Pakistan Economic Corridor Show the Limitations of China’s «One Belt One Road» Model. // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2017. Vol. 5. № 2. Pp. 378-385.
29. Liu H. The Security Challenges of the «One Belt, One Road» Initiative and China's Choices. // *Croatian International Relations Review*. 2017. Vol. 23. № 78. Pp. 129-147.
30. Dellios R. Silk Roads of the Twenty-first Century: The Cultural Dimension. // *Asia&The Pacific Policy Studies*. 2017. Vol. 4. № 2. Pp. 225-236.
31. Foggin M. Environmental Conservation in the Tibetan Plateau Region: Lessons for China’s Belt and Road Initiative in the Mountains of Central Asia. // *Land*. 2018. Vol. 7. № 52. Pp. 1-34.
32. Hofman I. Politics or Profits along the «Silk Road»: What Drives Chinese Farms in Tajikistan and Helps Them Thrive? // *Eurasian Geography and Economics*. 2016. Vol. 57. №. 3. Pp. 457-481.
33. Nezerenko O., Koppel O. The Baltic Sea Macro-Regional Transport Cluster as an Element of the Silk Road Economic Belt. // *Croatian International Relations Review*. 2017. Vol. 23. № 78. Pp. 77-95.
34. Dimitrijevic D. Chinese Investments in Serbia-A Joint Pledge for the Future of the New Silk Road. // *Baltic Journal of European Studies*. 2017. Vol. 7. № 1. Pp. 64-83.
35. Cui L., Zhang M., Wu K., Tseng, M. Constructing a Hierarchical Agribusiness Framework in Chinese Belt and Road Initiatives under Uncertainty. Sustainability. 2018. Vol. 10. № 1. Pp.1-17.
36. Liu H., Tang Y., Chen X., Poznanska J. The Determinants of Chinese Outward FDI in Countries Along «One Belt One Road». // *Emerging Markets Finance & Trade*. 2017. Vol. 53. Pp.1374-1387.
37. Bardal’ A. New Silk Road Opportunities and Threats for the Transport System of Russia’s Far East. // *Problems of Economic Transition*. 2017. Vol. 60. № 1-3. Pp.65-76.
38. Чубаров И.Г., Калашников Д.Б. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 25-33. (Chubarov I.G., Kalashnikov D.B. Belt and Road Initiative: Globalization Chinese Way? // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. № 1. Pp. 25-33.
39. Шлапеко Е.А., Степанова С.В. Великий шелковый путь и евразийская интеграция // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 43-52. (Shlapeko E.A., Stepanova S.V. Great Silk Road and Eurasian Integration // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. № 1. Pp. 43-52) .
40. Дынкин А.А., Телегина Е.А., Халова Г.О. Роль Евразийского экономического союза в формировании большой Евразии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 5-24. (Dynkin A.A., Telegina E.A., Khalova G.O. The role of the Eurasian integration in the formation of great Eurasia // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. № 1. Pp. 4-24).
41. Глазырина И.П. Экономический пояс шелкового пути: экологические аспекты. // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 34-42. (Glazyrina I.P. Silk road

economic belt: ecological considerations // *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. № 1. Pp. 34-42).

42. Malmstrom C. *The EU and China: Trade and Investment in the Global Economy*. European Commission. 2016. http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/february/tradoc_154322.pdf. Cited in Li Y., Schmerer H. Trade and the New Silk Road: opportunities, challenges, and solutions. // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2017. Vol. 15. № 3. P. 206.